

ОЛЕГ ТАБАКОВ

Людия
Богова

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Лидия А. Богова
Олег Табаков
Серия «Жизнь замечательных
людей», книга 1941

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69490234

Олег Табаков: Время; Москва; 2023

ISBN 978-5-235-04754-9

Аннотация

Олег Павлович Табаков (1935–2018) создал в театре и кино целую галерею ярких и запоминающихся образов, любимых, без преувеличения, всеми зрителями нашей страны. Не менее важной для российской культуры была его работа на посту руководителя таких знаменитых театров, как МХАТ-МХТ им. А. П. Чехова, «Современник» и созданный им театр-студия «Табакерка». Актер и режиссер, педагог и общественный деятель, Табаков был также блестящим рассказчиком, автором нескольких книг, мудрым и тонко чувствующим мастером своего дела. О перипетиях его жизни и творчества рассказывает книга театроведа Лидии Боговой, дополненная редкими фотографиями из архива Табакова и его впервые издаваемыми «заветками» – размышлениями об актерском мастерстве.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Лидия Богова Олег Табаков

*Есть и были актеры, для которых играть –
всегда в радость. Я такой. Может, благодаря
этому я вообще живу. Благодаря этому и этим.*
Олег Табаков

Автор выражает признательность за помощь в подготовке издания Марине Вячеславовне Зудиной, Российскому государственному архиву литературы и искусства, Музею МХАТ и лично Марфе Бубновой и Марии Смоктуновской, Музею Московского театра «Современник» и лично Татьяне Прасоловой, саратовскому Дворцу творчества детей и молодежи им. О. П. Табакова и лично Таисии Никитиной и Анатолию Лободу, а также фотографам Игорю Александрову, Валерию Плотникову и Екатерине Цветковой.

© Киноконцерн «Мосфильм» (Кадры из фильмов), 2023

© Издательство АО «Молодая гвардия, 2023

Глава первая

Саратов. Детство. Юность

*Щебечут, свищут, – а слова
Являются о третьем годе.
Борис Пастернак*

Все люди вспоминают детство. И неудивительно, ведь детство – главная кладовая наших чувствований. Воспоминания Олега Табакова о детстве светлые. Волга, простор, солнце. В окружении близких и любящих людей дышалось легко и свободно. Отец, мама, бабушки дарили ощущение благополучия и надежности.

Отец, Павел Кондратьевич Табаков: «Человеческое достоинство он умудрялся не терять ни в повседневной жизни, ни на войне. Умница, спортсмен, хороший шахматист, он был тем самым аккумулятором, от которого заводились люди, машины, женщины, дети. Много читал, эту страсть передал и мне»¹.

После войны родители будущего актера расстались, у Павла Кондратьевича образовалась новая семья. Но добрые отношения они сумели сохранить, словно не существовало то-

¹ Воспоминания О. П. Табакова здесь и далее цитируются по двухтомнику «Моя настоящая жизнь» (М., 2020–21), а также по трехтомному изданию «Олег Табаков. К семидесятилетию артиста» (М., 2005).

гда привычных сегодня обид, претензий, публичных дразг при расставании. И не только потому, что делить было нечего – воспитание не позволяло громко выяснять отношения, да и пережитые военные испытания привнесли коррективы в шкалу ценностей.

Мама, Березовская Мария Андреевна: «В быту довольствовалась малым. Душой всегда тянулась к Прекрасному. Естественной потребностью ее души было грузинское правило: “Отдал – стал богаче”. От нее я унаследовал психологическую остойчивость – сопротивляемость крайним психологическим ситуациям, жизненным стрессам». Незримую эмоциональную связь с матерью Олег Павлович сохранил до конца жизни. Его воспоминания о Марии Андреевне лишены сентиментальности, но в них всегда чувствуется ласковая прочность. Вероятно, главным, что связывало мать и сына, были доверие и открытость. Она была деликатным человеком, но не боялась рассказывать ребенку о материальных трудностях быта, советовалась по вопросам траты денег. В их отношениях всегда присутствовало материнское желание поддержать, вселить силы. Вероятно, отсюда сохранившееся у Табакова на всю жизнь ощущение защищенности, которую подарила ему мать. Нет в воспоминаниях Олега Павловича рассказов о том, что она на чем-то категорично настаивала или чего-либо жестко требовала. Она обладала мудростью, на которую способны единицы, – и, конечно, великодушием. В памяти людей, которые лечились у Марии Андреевны,

а таких в Саратове было множество, она осталась не только как серьезный профессионал, но и как добрый, отзывчивый человек.

Уроки жизни ребенок познает прежде всего через поступки близких людей. Как многие подростки, Табаков начал рано интересоваться, кто его предки. Однажды показал пожелтевший рисунок, напоминающий то ли ступенчатую лестницу, то ли генеалогическое дерево своего происхождения. Детским почерком почти на каждой ступени слева стояло имя (на правой были пропуски). Он пояснил, что все предки за исключением отца матери были простолюдинами. Прадед по линии отца, Иван Иванович Утин, был из крепостных, воспитывался в семье зажиточного крестьянина, который и дал ему свою фамилию – Табаков. Деда, Кондратия Ивановича Табакова, актер сохранил в памяти как человека пьющего, но сильного, мастеровитого, трудолюбивого. Работал дед слесарем и был востребован до конца жизни. А вот о любимых бабушках актер рассказывал трогательно и смешно. Вероятно, в обеих присутствовала некая искра таланта в воспоминаниях чувствовались и их природная сметливость, и юмор. Они были разными: дородная, крупная Анна Константиновна Матвеева, жена Кондратия Ивановича, смотрела на жизнь трезво, поддерживала и уважала все, что создается руками, что можно наглядно увидеть и потрогать. Баба Оля, родительница матери, натура артистичная, осталась в памяти как прекрасная исполнительница украинских пе-

сен. Обе бабушки имели четыре класса образования, но, как утверждал Олег Павлович, это было как среднее образование сегодня. Верю, потому что моя мама, окончившая пять классов в сельской школе, помогала мне в школе разбираться в вопросах геометрии. Но главным было, конечно, то, что бабушки любили внука, а значит, защищали, оберегали, приходили вовремя на помощь.

Генеалогическое древо, что рисовал в детстве Табаков, было не слишком развесистым, но он знал его назубок. И даже различал в себе отдельные национальные источники, признаваясь: «Во мне слились и мирно сосуществуют четыре крови: русская и мордовская – по отцу, польская и украинская – по матери». Сентиментальность и чувствительность относил к украинским корням. Его поразительное чувство языка завораживало, когда он начинал петь: «Сонце низенько, вечір близенько». А воспроизведение им слов бабушки «підышло під груди, не можу більше» с характерным жестом вызывало у слушателей неизменную улыбку.

Баба Оля была простой крестьянкой, а вот ее муж Андрей Францевич Пионтковский – польский дворянин. Он умер в 1919 году в собственном имении в Одесской губернии. Да-да, в своем имении! В стране шла бурная «экспроприация», проще говоря, уничтожение помещиков и их собственности, а он жил в своем имении, и содержали его, оберегали от новой власти крестьяне, которых он «угнетал». Подробностей о жизни семьи в то время пытливый подросток узнал

от брата матери, дяди Толи, – человека глубокого, серьезно-го и честного. Он жил тогда в Одессе, которую после 1917-го охватило безвластие. Монархисты, анархисты, большевики, приверженцы Временного правительства, батька Махно, атаман Петлюра... Власть менялась чуть не каждый день. Между тем город входил в черту оседлости, и каждая новая власть начинала деятельность с решения «еврейского вопроса». Дед прятал в имении еврейских детей и стариков. Дядя Толя, будучи подростком, хорошо запомнил, как седой старик с пейсами, спасаясь от бандитов, со страху перескочил забор дедовского дома высотой в полтора метра. Детское воображение Табакова картину услышанного сделало столь осязаемой, что стало для него критерием возможностей человека. Своих студентов на вступительных экзаменах он часто загадочно вопрошал: «Через забор в полтора метра со страху можешь перепрыгнуть?» Уверенного ответа так никто и не дал. Быть может, с тех пор Табаков принципиально отвергал любой антисемитизм.

Когда родители поженились, у Марии Андреевны это был третий брак, у Павла Кондратьевича – второй. Первый муж матери Андрей Березовский застрелился в припадке ревности, второй, Гуго Юльевич Гольдштерн, румынский революционер и советский разведчик, погиб в 1933 году за границей – как тогда говорили, «при исполнении служебных обязанностей». В этом браке родилась Мирра, единокровная сестра Олега Павловича. До войны семья Табако-

вых вселилась в огромную коммунальную квартиру. Двухэтажный кирпичный особняк, принадлежавший до революции известному врачу Бродту, находился на одной из центральных улиц Саратова, он сохранился до сих пор, как многое в этом старинном приволжском городе. Мария Андреевна получила огромную комнату в 45 метров на втором этаже, а Павлу Кондратьевичу удалось заполучить еще одну комнату за стеной. Вход в комнаты был через разные подъезды, но семья общалась через книжный шкаф, который разделял общее жизненное пространство. Так они и жили: мать, отец, бабушки, дети Мирра и Олег. Был еще сын отца от первого брака Женя, он жил со своей мамой Евгенией Николаевной, но тоже нередко гостил у Табаковых и на всю жизнь сохранил с Олегом дружеские отношения.

Понятие и ощущение Дома для Табакова с детства было гораздо больше, чем просто родные стены и крыша над головой. Дом для него всегда оставался символом почвы под ногами, безопасности, где ты всегда найдешь понимание, поддержку и защиту. Да, в Доме рядом с тобой живут самые близкие тебе люди, с которыми ты общаешься постоянно. Это мама и папа, сестра, братья, бабушки, дяди и тети. Но Дом – что не менее важно – еще и круг общения, место встречи людей, часто не похожих друг на друга. В общении с ними постигались первые смыслы той жизни, что текла за стенами дома. Профессия родителей определила круг людей, вхожих в дом Табаковых. Олег Павлович вспоминал,

что взрослое окружение состояло из истинных и негромких интеллигентов. Эти люди были воздухом, атмосферой дома. Именно с ними связаны воспитанные в нем с детства понятия достоинства, порядочности, «смелость и широта взгляда на реальность своего времени». Эти качества побуждали принять в себя общее горе страшной войны и одновременно помнить о том, что во многих семьях было личное горе, не обязательно с войной связанное.

Однажды в общении со студентами Табаков вдруг заметил, что понимает тех, кто нынче тоскует по тесной «двушке» и многонаселенной кухне, где все члены семьи всегда были рядом. Сказал так, будто сам себе в чем-то признался, мысль развивать не стал, но было понятно, что за словами кроется нечто важное и сегодня несуществующее. Когда он рассказывал о детстве, всякий раз слушающие замирали, поражаясь блистательной эмоциональной памяти, точности деталей того времени и окружения. Было ощущение, что память буквально впечатала в его сознание отдельные случаи. Только любовь и радость каждого прожитого дня могут этому способствовать. Ты реально видел стоящую на пригорке загородную дачу, что на лето снимали родители, и хозяина, который предложил детям, чтобы не таскать арбузы с горы, ловить их внизу, когда он будет их скатывать. Смех стоял на всю округу! То, что катилось мимо, разбивалось, и «в воздухе пахло солнцем и сахаром». А уж когда он делился своими детскими ощущениями, носившими главным

образом гастрономический характер, многие вздыхали и понимающе переглядывались. Вероятно, у большинства существовали схожие истории. Например, воспоминания Табакова о знаменитых саратовских помидорах невольно вызвали желание сглотнуть слюну.

Но все довоенные радости закончились разом в июне 1941-го. Исчезли занятия немецким языком в подготовительной школьной группе, ушла постоянная опека, пришли напряжение и тревога, вкусовые пристрастия сменились постоянным желанием что-нибудь съесть. Отец, Павел Кондратьевич, сразу ушел добровольцем на фронт и до самой Победы возглавлял военно-санитарный поезд, который вывозил раненых из-под огня с передовой в тыл, нередко становясь мишенью для фашистов. На этом поезде № 87 он объездил почти все фронты. Мать, Мария Андреевна, сутками пропадала в госпитале, а в конце 1942 года серьезно заболела брюшным тифом. Из болезни выкарабкивалась с трудом, от истощения долго не могла встать на ноги. Каждый появившийся кусок съестного старалась отдать детям, поэтому бабушка, когда мать приносила ей в кастрюльке бульон из кусочка курицы, садилась рядом и строго следила, чтобы дочь съела все сама. Начиналась настоящая голодуха. Все ценное продали – и бабушкины припрятанные червонцы, и огромную библиотеку. Сохранилось только несколько книг.

Читать Табаков начал рано, лет с четырех. А за войну выучил наизусть «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо, жизнеопи-

сания Суворова, Кутузова, Багратиона, Баркляя де Толли, Нахимова, Корнилова, Макарова. Спустя десятилетия Олег Павлович с его удивительной памятью мог пересказать содержание каждой книги близко к тексту, не забыв упомянуть имена авторов иллюстраций. Приходившие с фронта от Павла Кондратьевича письма читали вслух всей семьей, но отвечал младший Табаков всегда сам, подписываясь – «маршал Лёлик Табаков». И конечно, не забывал просить прислать «что-нибудь вкусненькое». Чувство голода не покидало ни на минуту, посему первую присланную отцом посылку он запомнил на всю жизнь: там аккуратно были сложены большие южные яблоки, американская тушенка и детская книжка в стихах. Стихи были смешные, поэтому тоже запомнились: «Это – “юнкерс”, так и знай, поскорей его сбивай». Как ребенок, читавший эти строки, сможет сбить ненавистный «юнкерс», осталось на совести автора рифмованной пропаганды.

Саратов всегда считался городом хлебным, но именно в Поволжье случилось одно из самых трагических событий в отечественной истории XX века. Голод там был очень жестоким как после Гражданской войны, так и в 1932–1933 годах. Уже в первые месяцы Великой Отечественной войны многие снова начали ощущать нехватку продуктов, пускай и не в таких масштабах. Как на любой войне, кто-то на голоде обогащался, а кто-то от голода умирал. Первое серьезное преступление, в котором признался честолюбивый «маршал Лёлик», связано тоже с чувством голода. Старшая сестра Мир-

ра приносила из школы сладкие коржики для матери. Однажды мальчишка не выдержал, тайком стащил один коржик и съел. Взрослые не ругали его, но долго не разговаривали с мелким воришкой. Это подействовало, бойкот родных людей запомнил на всю жизнь. А вторая кража вообще поставила крест на подобной деятельности. Бабушка пригласила его на пирог, который назывался «кух», вероятно, от немецкого слова «*kuchen*» – рецепт поволжских немцев, живших вокруг Саратова до войны. Лёлик пробрался на кухню, посплюснул ладонь, приложил ее к пирогу и облизал сладкую посыпку. Изобличен был по отпечатку ладони – позор жуткий! С этого случая он с воровством завязал навсегда.

Помимо голода, война оставила в памяти мальчишки огромное черно-красное зарево над Саратовом – бомба попала в нефтезавод «Крекинг», – нищих, не стеснявшихся просить милостыню, и множество инвалидов на костылях. Для того чтобы Мария Андреевна после тифа окончательно встала на ноги, родственник определил ее в армию. Шаг на первый взгляд странный, но там давали паек, и она получила возможность кормить детей. Так семья оказалась в городке Эльтон, который находился на берегу одноименного соленого озера. Это была Прикаспийская низменность, откуда недавно выбили немцев и сразу же открыли госпиталь. Ехали туда несколько суток. От той поездки в памяти остался горький воздух бескрайней степи, цветы чертополоха, блестящая от соли вода в озере и запах пирога, которым их уго-

стиль военный в поезде. Запомнилась и встреча на перроне с начальником госпиталя. В руках у него был кусок белого хлеба с маслом. «Такое чувство, будто он солнце держал в ладонях», – вспоминал Олег Павлович.

Говорят, голод улучшает умственные способности. Это спорно, но бесспорно, что голод обостряет вкусовые ощущения, превращая одних в гурманов, а других – в тех, кто пожизненно не способен заглушить постоянное желание что-то съесть. В Табакове было и то и другое. Стремление самому все попробовать заслужило ему репутацию тонкого дегустатора. Игорь Кваша вспоминал: «У него были термины, главный из которых – еда качественная и некачественная. Бывало, спросишь, Лёлик, как считаешь, качественная еда в этом ресторане? В точности ответа можно было не сомневаться».

Мария Андреевна получила назначение в госпиталь № 4157, до войны это была мощная бальнеологическая лечебница. Грязи там сохранились, их по-прежнему подвозили в госпиталь, и выздоравливающие получали грязевые ванны и другие назначения. Семья жила там целых два года. Госпиталь, где мать работала врачом-терапевтом, находился рядом, и днем она прибегала проверить, чем заняты дети. Иногда приносила что-то из оставшейся госпитальной пищи, а когда у нее был выходной день, все вместе варили пшеничную кашу на таганке. «Таганка, – ответил однажды на вопрос студента Табаков, – это металлический кружок на четырех ножках, под который мы подкладывали высохший степной бу-

рьян».

Вслушиваясь в рассказы Олега Павловича о детстве, я часто ловила себя на мысли, как много ушло из нашей жизни слов, понятий, явлений. Местные жители в том городке были русские и казахи. Однажды, уже в наши дни, я спросила у казаха, что такое «сарсу»? Ответил расплывчато, мол, что-то съестное, делали когда-то, а сейчас новые технологии, новые названия. . . А с каким восторгом на одном из уроков Табаков воспроизводил в памяти это кушанье из высушенной молочной сыворотки, показывая, как оно поедалось, как это было сытно, и все невольно аппетитно сглатывали слюну. Как-то в его рассказе прозвучала фраза: маму часто вызывали ночью в госпиталь и за ней приезжала санитарная двуколка. Поймав чей-то недоуменный взгляд, он спросил: вы знаете, что такое «двуколка»? В ответ – молчание. Никто не знал и что такое альчики. А это была главная игра тех лет у мальчишек. Альчики – бараньи позвонки, в середину которых заливался свинец, который назывался «бита». Альчики, пояснил Олег Павлович, стоили денег, хранились они в мешочках, к концу пребывания в Эльтоне он играл мастерски и скопил целый мешок костей. И тут же продемонстрировал с помощью спичечного коробка своего рода «мастер-класс» в этой игре.

Да, то, чему научился в юном возрасте, забывается редко. Детские забавы тех лет были бесхитростными. Обруч, который катился рядом, создавал ощущение, что ты едешь на машине. Стрела, которую сделал раненый солдат, посред-

ством прутика с веревкой пускалась высоко в небо и медленно «па-адала, па-адала» – в это время можно было мечтать, загадывать желания. Мальчишеская жизнь не была лишена опасных приключений. Взрывы оставшихся после боев боеприпасов многих тогда оставили калеками. И конечно, сохранилось в памяти неизгладимое впечатление тех лет – потрясение и восторг от бескрайней эльтонской тюльпанной степи. Белые, красные, желтые, лиловые тюльпаны затопляли все пространство до горизонта. Тюльпаны до цветения предварялись подснежниками. Перед тем как тюльпанам распуститься, луковицы от подснежников становились сладкими. Назывались они «бузулуки», дети их выкапывали и ели. Вкусно было!

К началу войны Олегу Павловичу было около шести лет, к концу – около десяти. Четыре года войны. В этом слове даже на уровне детского сознания он ощущал тогда великое человеческое братство, которое в наибольшей степени было приближено к библейскому пониманию. Через сорок лет драматург Михаил Рощин найдет литературную формулировку этого ощущения: «Будь проклята война, наш звездный час!» Табаков эту фразу повторял во всех интервью. Невольно вспоминаются слова моей доброй знакомой, жены известного генерала, с которым она прошла всю войну. На вопрос, какой главный день был в ее жизни на войне, она ответила: «1945 год. Весна. Мы освободили Вену. Через два дня состоялся торжественный вечер в огромном театральном зале.

Когда мы вошли в ложу, весь зал встал. Аплодисменты не смолкали несколько минут. Слезы подступили, в те минуты я верила: в мире все будет хорошо!» Это был «звездный час» одного из участников той страшной войны, но у каждого были такие часы, прежде всего связанные с наступлением мира, с долгожданным возвращением домой.

Главная радость в те годы и детей, и взрослых – кино. День, когда в поселок привозили новые фильмы, становился праздником. Среди других Табакову запомнился фильм «Радуга», где героиня, убив фрица, говорила: «Радуга – это доброе предзнаменование!» В Эльтоне состоялось «крещение в артисты» – первый выход Олега на сцену. Это случилось в госпитале, где он вместе с Марией Андреевной принял участие в постановке самодеятельного военного скетча, в котором произносил всего одну фразу: «Папа, подари мне пистолет!» И ведь запомнил эту единственную фразу! Правда, как потом Мастер признавался студентам, исполнитель был чересчур активен и повторял эту единственную фразу куда чаще, чем было предусмотрено в тексте, поэтому обращал внимание публики на себя, огорчая тем самым того, кто играл роль отца. Тогда юный артист впервые задумался: «Что же это за профессия, которая приносит столько расстройств?» Надо сказать, что творческие порывы не были чужды семейству Табаковых, Мария Андреевна читала стихи на вечерах, стесняясь и одновременно гордясь. А ее мать, баба Оля, так распевала песни в манере Лидии Руслановой, что заслуша-

ешься. Смирив артистические страсти предков, природа не выдержала и на Олеге Табакове допустила прорыв. Все родные – медики, отец – врач-биохимик, мать – терапевт, дядя – специалист по рентгеновской аппаратуре, сестры и братья пошли по стопам родителей, и Олег первым нарушил традиции семьи, не пойдя в медицину.

Домой мать с сыном возвратились в сорок пятом. Ехать пришлось срочно: умерла бабушка Оля, самый близкий мальчику человек. Она не раз его выхаживала, была заступницей во всех конфликтах и ссорах. С этим смешанным чувством горя и радости ехали домой. Вернувшись в Саратов, Мария Андреевна вынуждена была служить на двух работах сразу: днем рентгенологом, вечером терапевтом. Стремясь обеспечить детей, себя не жалела и позволяла только одну роскошь. Собрав последние деньги и посоветовавшись с детьми, покупала билеты на гастрольные концерты московских артистов – Святослава Рихтера, Дмитрия Журавлева, Александра Вертинского, балерины Марины Семеновой.

Жизнь постепенно входила в мирное русло. Мирра и Женя учились в медицинском институте. Олег пошел в третий класс мужской средней школы № 18, что находилась рядом с домом. Учился легко, хотя зубрилой не был, а потом, как сам признался, учиться перестал – и стал читать. С восьмого по десятый класс прочел всю русскую классику – и рекомендованную, и не рекомендованную тогдашней программой. А также литературу конца девятнадцатого века и начала два-

дцатого – раза по два, а то и по три! Пьесы – горьковские, чеховские, гоголевские... Он читал лежа, а рядом стояла трехлитровая банка с разведенным вареньем и черненькие сухарики – белый хлеб все еще был роскошью. Хлебушек порезан, маслицем тоненько намазан, солью посыпан... Так была прочитана целая гора литературы.

Тогда же он начал собирать библиотеку. Собирал своеобразно: покупал по 10–15 экземпляров приложения к журналу «Красноармеец»: где издавались всякие любопытные книжечки – «Озорник» Виктора Ардова, «Прекрасная дама» Алексея Толстого, полузапретный «Золотой теленок» Ильфа и Петрова... Он все это покупал и хранил, будто зная, что через какое-то время эти тоненькие издания могут стать дефицитом. И когда этот момент настал – «уступал их за большую цену». Да, жизнь в те годы заставляла взрослеть рано, проявляя в детях способность выживать в самых тяжелых обстоятельствах. В рассказах Табакова о том времени подкупает способностью увидеть себя со стороны, каким-то событиям улыбнуться, а над чем-то задуматься. Живой, образительный, с бурной фантазией, он напоминал Тома Сойера, который даже скучную обязанность покрасить забор мог превратить в театральное действо.

Его кипучая энергия все время искала реализации самых неожиданных задумок. Когда ему еще десяти лет не исполнилось, он «закошил» довесок от буханки. В большой комнате стоял стол на четырех ногах, которые внизу сходились

крестом, а посередине была планка. Сходя в магазин, Олег получил хлеб с довеском, а, придя домой, довесок скрыл – нагнулся и положил его на планку. На следующий день опять сходил за хлебом и положил на планку уже два довеска. На третий день оба довеска «пустил» в дело, а половину буханки изъел. Так со временем образовалась целая буханочка, с которой он пошел в школу, которую ремонтировали немецкие военнопленные. Отдал одному пленному буханку и сговорился, чтобы тот сделал ему деревянный автомат. Гешефтмахерство, признается актер, рано в нем проявилось, и «пришедший капитализм с нечеловеческим лицом мне не страшен – я был к нему готов!».

Но жизнь, пугающая фактами и рассказами близких людей, тоже рано ворвалась в сознание подростка. Запомнились слова дяди Толи, который однажды назвал Сталина убийцей миллионов. Как-то Олег провожал мать на вечернюю работу, и вдруг сзади они услышали женский голос: «Не оборачивайтесь! Я буду рассказывать, а вы не оборачивайтесь». Табаков все же обернулся – это была мать друга семьи Самуила Борисовича Клигмана, влюбленного в Марию Андреевну. Она рассказала, как ее сына пытали в кабинете следователя, как защемляли его мужскую плоть в дверном косяке, требуя дать показания против Марии Андреевны. Вину им вменялось групповое прослушивание «Голоса Америки» и чтение газеты «Британский союзник». Следователи хотели состряпать дело об организации, боровшейся против

режима, но Самуил Борисович никого не назвал и тем самым спас семью Табаковых.

Так что к пятнадцати годам подросток знал, что происходит в стране. Да и не требовалось много ума, чтобы это понять, достаточно понаблюдать за окружающими, увидеть, как бабушка, которая, услышав в ночи звук подъезжающей машины, подходила к окну, долго стояла, потом крестилась и шептала: «Увезли». Внешне, вспоминал Олег Павлович, он выглядел смирным и лояльным советским юношей. На самом деле жил совсем иной внутренней жизнью, мечтая о покушении на тирана. Он даже пытался организовать в школе что-то вроде содружества декабристов, в котором, правда, согласился участвовать только один из друзей. Кто-то из отказавшихся приятелей вступать в содружество, видимо, проговорился, и только смерть Сталина уберегла «заговорщиков» от серьезных неприятностей.

Естественно, знать больше многих и не иметь возможности сказать об этом открыто – тяжкая душевная ноша для молодого человека. Начинаешь жить двойной жизнью. Это как маска, которая прирастает к лицу, избавиться от которой невозможно. Все время себя контролируешь: принято – не принято, дозволено – не дозволено, и не замечаешь, как гнетущая самоцензура становится органичной. Долго так продолжаться не может: происходит деформация личности или случается психологический срыв. Отцовского внимания сыну явно не хватало – как уже говорилось, вернувшись с

фронта, Павел Кондратьевич ушел из семьи и стал жить в том же Саратове с бывшим врачом своего санитарного поезда Лидией Степановной. Скоро, в 1949 году, у них родилась дочка Наташа – сводная сестра Олега, с которой он тоже всю жизнь сохранял теплые отношения. Не прекращал он общаться и с отцом, но главную роль в его жизни, конечно, играла мать.

Заметив среди приятелей Олега «хулиганствующих элементов», проживающих рядом с их домом, Мария Андреевна решила оградить сына от дурного влияния улицы и своевременно отвела семиклассника в шахматный кружок городского Дворца пионеров и школьников. Уже в восьмом классе сын получил третий юношеский разряд. В том же Дворце пионеров состоялась встреча, определившая судьбу подростка. Однажды в шахматный кружок заглянула высокая, красивая женщина, искавшая на новую постановку недостающих мальчишек. Среди приглашенных был и Олег Табаков. Она попросила его «громко-громко, на весь зал» произнести фразу: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Суровый вердикт «голосок слабый, но попробуем» не помешал зачислению четырнадцатилетнего парня в новобранцы театральной студии «Молодая гвардия».

Имя женщины, пригласившей подростка в свой коллектив, требует отдельного рассказа, потому что в юности на человека все может оказать влияние: и прочитанная книга, и яркое событие, в центре которого ты оказался случай-

но, и встреча с необычным человеком. Каждый год в начале сентября у дверей саратовского Дворца пионеров возникала многочисленная толпа из детей и взрослых. Прохожие, недоумевая, интересовались, что здесь происходит. Ответ удивлял: идет экзамен в театральную студию. Выдержать экзамен могли единицы, а желающих были сотни. Конкурс всегда серьезный, отбор жесткий, некоторые справедливо сравнивали его с поступлением в театральные вузы. Руководила студией Наталия Иосифовна Сухостав – личность в Саратове легендарная, женщина с неожиданными сюжетными линиями в жизни. Дочь знаменитого в городе врача-эпидемиолога чешского происхождения Иосифа Карловича Сухостав, бесспорно, была талантлива. Счастливое детство, юность, полная планов и надежд. Умница, красавица, победитель всех поэтических состязаний, в которых принимал участие и отец Олега Павел Кондратьевич, которого она называла запросто «Павлуша». Надо заметить, что поэтов Серебряного века она и в старости читала наизусть целыми страницами, но колесо истории безжалостно прокатилось по судьбе: арест отца, который вернулся из тюрьмы безнадежно больным, потом расстрел мужа Виктора Томашайтиса, работника прокуратуры и чемпиона России по теннису.

О трагической судьбе Виктора Казимировича, о том, как он, не выполнив план по осуждению и расстрелу предполагаемых вредителей, сам был расстрелян, Олегу рассказал отец. Павел Кондратьевич, тоже способный спортсмен, хороший

лыжник и шахматист, играл с мужем Наталии Иосифовны в теннис. Когда были опубликованы письма Томашайтиса, найденные народным артистом России Владимиром Красновым, открылась неведомая многим страница жизни Наталии Сухостав. Казалось, беда никогда не даст ей передышку. Из Театра юного зрителя, где она играла ведущие роли, ее выгнали с «волчьим билетом». На руках была беспомощная мать, на работу нигде не брали, даже в аптеке мыть пробирки. Удивительно, но она не замкнулась, не озлобилась, не впала в депрессию. Вот что значит серьезное дореволюционное воспитание, в котором ощущение своей самобытности и независимость мышления были непобедимы!

Потом судьба смиростивилась: то ли это был счастливый случай, то ли война смягчила нравы людей, но литературная композиция, подготовленная ею с детьми для раненых бойцов в госпитале, который находился во Дворце пионеров, осталась в памяти. Через год, когда госпиталь съехал, руководители Дворца пригласили ее на работу с детьми. Конечно, она не предполагала, что сюда она будет приходить сорок лет, а организованная ею театральная студия станет главным делом жизни. Облик Наталии Иосифовны до сих пор у многих в памяти: высокая, худая, короткая стрижка, летящая походка, огромные влажные глаза и ярко подведенные губы. В любой позе – прямая спина и удивительная выразительность рук. Сама рука в покое, в движении только кисть, ухоженная, с длинными пальцами, унизанными тяжелыми кольца-

ми. Став взрослой, я разглядела: обычные, правда не лишенные оригинальности дешевые колечки. Но как она их носила! Табаков говорил, что ему она всегда напоминала кумира молодости – Марлен Дитрих.

Позже, встретив разных людей ее поколения, я поняла, что это типичная дореволюционная интеллигентность. Конечно, перестроившаяся на новые времена, но сохранившая прежние привычки, манеры, какие-то повадки прошлого. Так старые профессора в университете сохраняли любезность в отношениях со студентами и постоянную готовность увидеть в каждом из нас коллегу. Как говорится, леди нельзя сделаться, ею надо родиться. У Наталии Иосифовны был безошибочный вкус на подлинное, настоящее и серьезное. С точки зрения классической педагогики, конечно, она во многом была не права. Нельзя кричать на детей, непозволительно в негодовании бросать предметы или стучать по столу, когда дети плохо слушают. Ласки, готовности к похвалам и поощрениям в ней было маловато, если не сказать не было вообще. Думаю, вся тайна ее педагогики заключалась в даре интуитивного угадывания талантности (творческой или просто человеческой) в желторотых, нескладных, не понимающих себя ребяташек, в умении оставаться интересной им на долгие десятилетия.

Сотни детей прошли через студию Наталии Сухостав. Конечно, далеко не все они стали актерами, но уважение к людям театральной профессии сохранили на всю жизнь, полу-

чив в раннем детстве прививку от пошлости и подлости жизни. Человек безукоризненно честный и щепетильный в быту, она была столь же щепетильна в отношениях с людьми. Вспышки страстей не обходили ее стороной, иногда она могла нагнать такого страха, что многие, как и Табаков, запомнили это навсегда. Человек принципов, она никогда не скрывала своей позиции. Лгать, кокетничать, сочинять собственную значимость при ней было глупо и бессмысленно. Помню, как она погрозила пальцем первокласснику, опоздавшему на репетицию: «Табаковых среди вас нет, работать надо!» Не знаю, запомнил ли эти слова тот мальчишка, но мы, старшеклассники, находившиеся в комнате, переглянувшись, согласились – Табаковых среди нас не было.

Когда Олег Павлович приехал в Саратов уже известным актером после первых ролей в кино, в студии с ним состоялась встреча. Он радостно и возбужденно что-то рассказывал, показывал, буквально летая по комнате, все в восхищении следили за его передвижениями, пока не раздался голос нашего педагога: «Олег, сядь!» И он послушно опустился на стул. Какая-то одержимость во всем, что делала Наталия Иосифовна, внушала нам, подросткам, веру и надежду. Надежду не только на себя, но и на жизнь, которая непременно будет справедлива к тебе, если ты будешь честен, порядочен, трудолюбив. Все, что связано с теми временами, о которых она много рассказывала, представлялось нам Атлантидой, своего рода допотопной цивилизацией, факт существо-

вания которой никто не отрицает, а вот ощутить ее подлинность, природу ее людей и нравов нам уже не дано. Словом, *ушедшая натура*.

Отношения со своим первым театральным педагогом Табаков сохранил до конца ее жизни, оставив о ней пронзительно тонкие и точные воспоминания. А главное, поступками сохранил о ней память в истории города. Благодаря его хлопотам случилось важнейшее событие – открытие на здании саратовского Дворца пионеров мемориальной доски театральному педагогу Наталии Иосифовне Сухостав, у которой учились жизни и искусству сотни детей. Важнейшее, потому что нельзя воскресить человека или отменить перенесенные им душевные мучения, но запечатлеть в людской памяти то, что он сделал в жизни, восстановив тем самым справедливость, вполне возможно. Когда в 1990 году Наталия Иосифовна умерла, ученики поставили на ее могиле памятник. У каждого студийца остались свои воспоминания о педагоге. Табаков рассказ о ней всегда начинал с пушкинских строк: «Нет, весь я не умру, душа в заветной лире мой прах переживет...» Он был убежден, что эта цитата удивительно точно применима к его памяти о Наталии Иосифовне, и всегда помнил важные для себя ее уроки.

Во-первых, она неодинаково относилась к воспитанникам. Требовательна, критична, а порой и нетерпима была только по отношению к одаренным детям. Словно внушала: тебе много дано – с тебя и спросится. Олег Павлович вспо-

минал, что его чаще всего ругали за опоздания. Грех этот родился оттого, что жил он близко, выбегал из дома либо без трех, либо без четырех минут до начала занятий, иногда успевал, а иногда опаздывал. И вот однажды, опоздав в очередной раз, был вынужден выслушать отповедь руководителя. Признался, что прошло больше семидесяти лет, а он помнил те слова, простые, жесткие, обидные, бьющие по самолюбию, которые нашла Наталия Иосифовна. Во-вторых, она сумела вложить в ребенка простую и важную мысль: мы занимаемся серьезным и важным делом и ответственны перед теми, кто вечером приходит нас смотреть. Пожалуй, с той поры, со спектакля «Красный галстук» по пьесе Сергея Михалкова, и поселилось в Табакове желание: «Не подвести бы их!» – имея в виду зрителей.

Касаясь вопроса отношений театра со зрителем, Олег Павлович был особенно щепетилен: актер должен быть достоин зрительского доверия. И в конце жизни особо гордился, что прошли десятилетия, сменились несколько генеральных секретарей и три президента, а зрители никогда не отказывали ему в доверии. Но это не мешало студийцам оставаться детьми, озорниками. Они шутили, разыгрывали, хулиганили, словом, были нормальными ребятами, с замашками взрослых людей. После репетиции никому не хотелось расходиться, домой шли не сразу, а заглядывали в забегаловку, которую называли «Кабаре», на углу Максима Горького и Ленина, покупали на всех две бутылки клюквенного мор-

са и каждому по пирожку с ливером и беседовали часами. Наверное, сегодня это можно назвать игрой, но всерьез: уже тогда они были театральные люди.

Табаков вспоминал, что в студии он не только обрел настоящих друзей, но и впервые изучил «науку страсти нежной». В шестнадцать лет он влюбился в девочку из хореографического кружка Нину Кудряшову: «Эротика в юношеском возрасте имеет несколько иное значение, нежели в зрелые годы. Чтобы обрести право хоть как-то прикоснуться к моей возлюбленной, я не поленился пойти в хореографический кружок, когда у них не хватало мальчишек, и принять участие в балете из жизни растений. Урожайные зерновые противостояли сорнякам. А у меня была роскошная роль Сухова, который все эти тростиночки под себя подминал, сжигая полезную флору... Короче говоря, я ее трогал весь спектакль». Любовь для него так и осталась чувством возвышенным: «Высочайшая планка в отношениях с прекрасным полом, взятая в юности, не давала мне опускаться ниже на протяжении всей жизни... Любовь всегда должна быть “с черемухой”, как говорил мой папа. Если Господь или судьба одаривали меня чувством, так оно развивалось по всем законам влюбленности и всего ей сопутствующего. Я благодарен жизни за то, что график моих влюбленностей всегда был плотен, насыщен и регулярен. Почти как движение подмосковных электричек».

Участие в студии многим принесло известность в городе.

9 марта 1953 года, в день похорон Сталина, Табаков вместе с девочкой из студии читал на сцене Театра оперы и балета имени Чернышевского траурно-торжественный литмонтаж. Минут сорок они читали стихи Твардовского, Алигер, Симонова в атмосфере искреннего горя. Как писал Олег Павлович, в зале рыдали, бились в истерике, кто-то падал в обморок. Читал он с искренним чувством – то ли успеха хотелось, то ли атмосфера подлинного горя в зале захватила, но история с организацией «кружка декабристов» как-то забылась, а запомнилось ощущение власти актера над зрительным залом.

Из тех далеких дней в Табакове осталось главное для актера: «Душа обязана трудиться и день, и ночь, и день, и ночь...» Вот давала Наталия Иосифовна задание, и хотели студийцы или не хотели, но все было серьезно: и поручаемые роли, и раздумья о будущей профессии, о дальнейшей судьбе. Она показала им всем «систему координат» как в театре, так и в человеческих отношениях. Когда Табаков уже стал зрелым профессионалом, она была с ним строга, тревожилась, чтобы ему не «надули в уши», чтобы не коснулись его пошлость и дурь, чтобы не погрузился он в атмосферу интриг и зависти, свойственную – что греха таить – многим театральным коллективам. Любое ее слово воспринималось как директива, ее влияние было столь сильно, что он и подумать не мог, что станет кем-нибудь еще, а не артистом. Без всякого преувеличения, он считал Наталию Иосифовну сво-

ей крестной мамой как в актерской профессии, так и в педагогике. Именно она дала исходный импульс профессии, а дальше его уже никто и ничто не могли остановить.

В 1953 году Олег Табаков окончил школу. Сомнений в выборе профессии к этому времени не существовало: только Москва, только театральный институт. О существовании МХАТа он знал с самого детства – в первый год войны Художественный театр с его потрясающей труппой был эвакуирован в Саратов. Увиденные спектакли оставили в памяти Марии Андреевны самые яркие театральные впечатления, а программки с именами великих актеров она хранила как семейную реликвию. Однажды взяла с собой сына на спектакль «Кремлевские куранты», где ребенок заснул. Так пересеклись пути будущего артиста и его альма-матер. В старину русские купцы, продавая товар, часто произносили фразу – «добротный замес». Этим определялось качество продукта. Табаков в детстве получил доброкачественный «замес» любви, добра, веры. А, как известно, чем больше в детстве ребенок получает добра и любви близких, тем закаленнее встречает трудности взрослой жизни. Из Саратова он уезжал весело, шутками подбадривал отца и плачущих женщин. Вскопив на подножку вагона, задорно крикнул: «Я уезжаю учиться на тракториста-а-а!»

Глава вторая

Москва. Школа-студия МХАТ

О, знал бы я, что так бывает,

Когда пускался на дебют...

Борис Пастернак

Его первые подробные письма из Москвы получала Наталия Иосифовна Сухостав, и Мария Андреевна новости о сыне приходила узнать к ней. Вот некоторые из этих писем:

«7 августа 1953 года.

Дорогая Наталия Иосифовна!

Кривая моего настроения резко подскочила вверх. Вчера в ГИТИСе состоялся 1 тур и почти все решилось.

Вызвали нас 5 человек. Я читал последним. В комиссии сидят: директор института, Орлов, Раевский, Орлова, Вронская и тому подобные тузы. Я читал “Улицу младшего сына”, “Изгнанник” и “Слон-живописец”.

Кончил я читать, и Орлов высочайше изволил что-то сказать по моему адресу. Я ему тотчас ответил. Ну, и пошли острые шуточки – короче говоря, “всем понравился” (по словам директора). Директор ГИТИС Горбунов подозвал меня и посадил рядом с собой. Вы понимаете: Раевский, Табаков, Горбунов и К. Вот хохма.

Директор сказал, что берут меня, но при условии, что я не пойду на 3 тур во МХАТ. Правда, придется сдавать еще 2 и 3 туры. Но это только для того, чтобы злые языки не говорили ничего лишнего. Далее он начал меня убеждать в том, чтобы я обязательно готовился по общеобразовательным предметам. Говорил, что я должен сдать обязательно все на 5, и тогда мне, мол, дадут какую-то персональную стипендию, и что обязательно должен работать у них по комсомольской линии. Это я-то!!! И т. д. и т. д. Далее он мне заявил (привожу его слова): “Ты только ни с какими девушками не знакомься, это и потом успеешь сделать, а теперь основное внимание учебе”. В общем, напутствовал меня как любящий папаша, да и только. Отнесся он ко мне исключительно сердечно. Я был приятно поражен таким вниманием. Когда я заикнулся насчет общежития, он тотчас меня заверил, что с общежитием он мне все устроит.

На прощанье попросил меня никому об этом разговоре не рассказывать, чтоб не было никаких сплетен.

Но это все хорошо, конечно, но вот что делать со МХАТ – прямо не знаю. Как бы потом не пришлось жалеть. Что вы думаете об этом? Вот, собственно, все мои дела. Пишите, Наталия Иосифовна, прошу Вас. Ваш Олег»².

² Публикуется впервые по оригиналам, полученным из саратовского Дворца пионеров.

«15 августа 1953 года.

Дорогая Наталия Иосифовна!

Вот ведь какое дело! Иногда и не ожидаешь, а получается все как нельзя лучше. Так вот и со мной. 12 августа в ГИТИС был 2 тур, а во МХАТ 3 тур. Я ждал, ждал в ГИТИС своей очереди прослушиваться, затем мне все это надоело, а тут еще пришли из студии МХАТ ребята, которые там уже прослушались.

Я плюнул и пошел в студию МХАТ. Там были в комиссии Марков, Станицын, Блинников и другие. Я читал последним. После этого мы часа два-три ждали результата. Наконец, нам объявили, что приняли 8 человек, в том числе и меня, и 4 человека приняли кандидатами. Я, право, не знаю, что означает это звание “кандидат”. Но из этих 4 кандидатов 3 человека “не русской” национальности. Вот какое дело!?! И теперь мы, 12 человек, сдаем общеобразовательные экзамены. Я сдал уже два. Русский письменный – я не знаю еще – нам не сказали. Историю на 5. А 17 августа сдаем литературу устно. После этого экзамена нам, по видимому, дадут зачетные книжки. Ну, обо мне все.

Да, еще. В ГИТИС я не пошел на 2 тур и взял оттуда документы. Правда, директор ГИТИС об этом, кажется, не знает.

Ну, пока все. 17 августа сдам последний экзамен, тогда сообщу конечный результат. По всей вероятности, скоро приеду в Саратов и уже тогда наговорюсь с Вами вдоволь. Ваш Олег».

18 августа 1953 года приказом ректора Школы-студии МХАТ им. Вл. И. Немировича-Данченко Олег Павлович Табаков был зачислен на первый курс актерского факультета. Руководитель курса – народный артист СССР Василий Осипович Топорков, ученик Станиславского, автор знаменитых книг «Станиславский на репетиции», «О технике актера». Однокурсниками Табакова были Евгений Урбанский, Валентин Гафт, Эмиль Лотяну, Майя Менглет, Владлен Паулус.

«5 сентября 1953 года.

Дорогая Наталия Иосифовна!

Вот уже 5 день, как я вплотную занимаюсь в Школе-студии им. Народного артиста СССР В. И. Немировича... и т. д. и т. п.

Занимаемся мы с 9 часов утра до 6 вечера. Довольно утомительно, но очень интересно. Первого в 9 часов утра было торжественное «открытие учебного года» – так называется это торжество. Выступил ректор Радомысленский, секретарь парторганизации МХАТ, Блинников и Вершилов. Затем были зачитаны телеграммы от Кедрова и Тарасовой, а несколько позднее (спустя 2–3 часа) Кедров пришел к нам самолично и начал беседовать с нами. Это довольно милый мужчина, немного похожий на Хмелева, и что самое замечательное, несмотря на все свои ранги очень просто державшийся с нами. Это необыкновенно!

А после всех этих бесед и “открытий” начались занятия, которые продолжаются по сей день. Изучаем

мы следующие предметы: мастерство, дикция, танец, сценическое движение, спорт, манеры, музыкальная грамота, история русской литературы, история зарубежной литературы, зарубежный театр, основные проблемы советского театра и, что самое главное – основы марксизма-ленинизма.

По мастерству наш курс, насчитывающий 20 человек, разбили на две группы. Одну из них ведет Б. И. Вершилов – человек, который был на дружеской ноге с К. С. Станиславским, а другую ведет В. П. Марков – человек необыкновенно умный и обаятельный. Я пошел в группу к Вершилову. Одни говорят, что Марков это “космос”, а Вершилов “ничтожество”, другие говорят наоборот. Но посмотрим, что будет в дальнейшем. Поживем – увидим.

Остальные преподаватели – люди ничего себе, с присущими каждому из них странностями.

Мне больше всего понравилась преподавательница по музыкальной грамоте. Очень симпатичная женщина, средних лет, профессионал, очень любит свой предмет и старается привить эту любовь и нам. Кажется, это ей удастся.

Преподавательница дикции прекрасно знает свое дело, но педантична и суха до крайности. Это очень странно, так как ей только 31 год. Уж очень быстро она “высохла”. У меня она нашла нечистое “с” и немножко “дзяканье” – говорит, что это довольно быстро пройдет.

Преподавательница русской литературы – пожилая женщина, лет 65, мне очень не нравится. В ней есть

что-то от Иуды. Единственная положительная черта ее – кроет учителей школьных и саму школу почему зря. Преподаватель марксизма в меру некультурен, видно, это свойственно многим преподавателям марксизма. О преподавателях достаточно, вы, наверное, устали читая, – теперь немного о себе. Общежития мне в студии не дали, обещали дать в “ближайшее время”, но сроки “ближайшего времени” очерчены так туманно, что я уже нашел себе жилье. Комнатка небольшая и стоит всего 100 рублей в месяц, а что самое главное – недалеко от студии 10–15 минут ходьбы. Это очень ценно. Забыл написать о самом главном. Целиком и полностью избавился от опозданий – тьфу, тьфу, чтоб не сглазить. Еще один курьез. Мамочка моя, не получив от меня известий (в течение 4 дней) о моем прибытии в Москву, разволновалась и послала две телеграммы, спрашивая, что я и где. Одну из этих телеграмм она написала на студию. А что самое интересное в том, что они с известием о моем прибытии в город Москву на учебу я ей все-таки написал. Пишите о себе, о кружке, о ребятах. Что начнете ставить. Пишите, не забывайте. Ваш Олег».

«22 сентября 1953 года.

Дорогая Наталия Иосифовна!

Письмо начинаю с выражения соболезнования по поводу столь огромного количества страждущих! – (это я о желающих “заниматься”). Но Вы знаете, я им очень сочувствую. Я ведь помню, как трясся,

когда пришел “записываться”. Вы знаете, возможно, это сентиментальность, но именно эти чувства – самые чудесные, самые светлые. Вы, пожалуйста, не смейтесь, это действительно так. И я уверен, что годы пребывания в драматическом кружке Дворца Пионеров останутся в моей памяти навсегда. Простите за “высокий штиль”, но это то, что я чувствую. Это, так сказать, лирическое отступление. Теперь о моей жизни.

По мастерству мы сейчас делаем простенькие этюды. Вы знаете, я и предположить даже не мог, что это так трудно. Выходишь делать этюд и буквально деревенеешь. Руки – какие-то тряпки, ноги вообще черт его знает, а сам ты, если посмотреть со стороны, видимо, имеешь глупейший вид. Но Вы знаете, как ни странно, но меня хвалят. Это, наверное, от большого волнения, все делаешь очень правдиво. Художественный руководитель нашей группы Борис Ильич Вершилов является заслуженным артистом РСФСР, а что очень значительно педагогом Кедрова и Болдумана. Это человек довольно пожилой. Ему лет 60–65. Он очень тяжело болен – у него *tube*³, правда, в закрытой форме. В прошлом году у него было обострение, и ему вырезали одно легкое, а от другого, простите, шиш остался.

Вообще он очень знающий, умный товарищ. На занятиях он почти всегда довольно пассивен, но иногда расходится, и уже тогда мы занимаемся до одурения. Правда, это бывает редко. С прошлой недели два раза

³ Имеется в виду туберкулез.

в неделю на мастерство к нам приходит сам Топорков. Вот когда, конечно, начинается самое интересное. Он чудесно все объясняет и только тогда, когда чувствует, что человек все понял, дает следующий этюд.

Правда, каждый раз, как он ведет репетицию, первым на этюд он вызывает меня и еще одну девчонку. Заставляет по несколько раз делать один и тот же этюд, и нам попадает от него больше всех. Но, безусловно, занятия с его участием самые интересные и самые плодотворные.

Три дня тому назад был на “Анне Карениной”. Это только первый спектакль, который я видел во МХАТ. Нам можно ходить каждый день, да все времени нет. Шел я на него даже с некой неохотой, мол, де-Тарасова – старуха, что смотреть. Вы знаете, здорово, очень здорово. Тарасова играла чудесно, особенно сцену после скачек, сцену с сыном и сцену размолвки с Вронским, черт его знает, куда делись ее полста и 50 лет с гаком. Каренина играл Кедров – он мне не особенно понравился. Он явно подражает Хмелеву во всем, даже в гриме, а в сильных местах даже недотягивает. Вронского играл Прудкин. Играл довольно бледно. Зато с каким блеском играют Степанова – Бетси и Стива – Станицын. Кто его знает, как это они так могут. Что очень значительно – театр был переполнен – ни одного свободного места. Теперь немножко о житейских мелочах. Я договорился с хозяйкой квартиры, где я жил и прописался здесь – одним словом, адрес мой остается старым. Живу я

хорошо, только немного устаю.

Дорогая Наталия Иосифовна, Вы меня простите, надеюсь, за мои довольно частые письма. У Вас ведь очень мало свободного времени, наверное, еще меньше, чем у меня, но я думаю, что Вы найдете время и ответите мне. Вы знаете, мне здесь довольно тоскливо, Ваши письма для меня большая радость. Ребята меня что-то забыли, не пишут. Передайте привет всему кружку в целом и лично Мишке, Юле, Игорьку, Юрке и двум вновь принятым. Привет Вашей маме, Наталье Александровне, Таисии Александровне и всем остальным. Целую Вас крепко и обнимаю. Пишите, жду. Ваш Олег».

«6 октября 1953 года.

Дорогая Наталия Иосифовна!

И “пишу я Вам письмо”. Не дождавшись ответа от Вас, решил писать сам. Я понимаю, наверное, у Вас “делом полон рот”, впрочем, видимо, даже больше чем рот. Ведь я отлично помню эти сумасшедшие первые учебные месяцы. Лавины “записывающихся”, поиски пьесы, репетиции, первые двойки ваших питомцев и прочие волнения и переволнения.

Вы мне в прошлом письме сообщили, что делаете пьесу “Сестрица Аленушка и братец Иванушка”. Пишите, о чем эта пьеса, а главное, кто какие роли исполняет. Я прямо горю от нетерпения узнать, кто, что и как. Что играют Мишка, Юля и другие? Как продвигаются репетиции? Есть ли хорошие новенькие

ребята?

Наталия Иосифовна, я тут смотрел пьесы “Васек Трубачев и его товарищи”, “Драгоценные зерна”, но... все эти спектакли страшная дрянь. Но если они Вас интересуют, могу их Вам выслать.

В “Литературке” было напечатано, что Маршак и Прилежаева написали детские пьесы и они скоро должны выйти. Постараюсь их не прозевать.

Теперь о себе.

По мастерству мы сейчас делаем беспредметные этюды. По ним определяется логика действий. Чертовски трудная вещь. У меня они что-то не особенно хорошо получаются. Но, правда, сегодня на занятиях я делал этюд довольно неплохо. Думаю, что надо наизусть их выучить и делать все. По студии кто-то распустил слух о том, что якобы кого-то из нас хотят гнать после первого семестра, и мы все ходим ни живые, ни мертвые. А сегодня Вершилов сказал нам, что все эти слухи полнейший вздор и распространяют их “олухи царя небесного”, которым делать нечего. После его слов страсти немного улеглись.

Последние 4 вечера у меня были свободны, и я побывал на спектаклях МХАТа. Видел “Дачников”, “Идеального мужа” и “Школу злословия”. Чертовски все у них здорово идет. Я был прямо восхищен игрой Андровской. Ведь ей 50 с чем-то, а она так блестяще играет. Но иногда старость все-таки сказывается.

Видел представителей молодого поколения МХАТовцев. Один из них ничего себе, а другие

совершенная гадость. Как их держат в театре — не знаю. А впрочем, тут особенно удивляться-то и нечему. Семейственность во МХАТе просто потрясающая. Наверное, ни в одном театре страны такой нет. Родственник на родственнике и родственником погоняет. А с высоты своего директорского величия на все это взирает Алла Константиновна и ничего против этого не предпринимает. Ну, возмущаться достаточно. Сегодня в журнале “Театр” за № 10 я вычитал статью И. Сахаровой о творческой молодежи саратовских театров. Там страшно хают Менчинского и столь же безудержно восхваляют Киселева и Давыдова. Хвалят Толмачеву... и прочую творческую молодежь. Вы знаете, статейка весьма любопытная и, если выберете время, обязательно почитайте ее.

Вот все “сплетни”. Ну, будьте здоровы. Поскорее пишите мне. Ваш Олег».

Автору этих строк недавно исполнилось семнадцать. Живой ум, не лишенный самоиронии, цепкий глаз, «ушки-воришки», способность быстро осмыслить впечатления, а главное, как живо и непосредственно умеет передать это на письме. Открытая душа, которая не ждет подарков от жизни, а каждую минуту стремится добросовестно искать смысл. Поступление Табакова на курс Топоркова (а это третий набор мастера в Школе-студии) было в какой-то мере закономерным и судьбоносным. Близость с мастером во взглядах и убеждениях с годами станет явной. В пору, когда Табаков

учился, Василий Осипович Топорков был еще в силе, много играл в спектаклях Художественного. Школу Станиславского он прошел, будучи уже зрелым актером, во МХАТе начал заниматься режиссурой. До этого были Александринка, ученичество у Владимира Николаевича Давыдова, театр Корша, а до Корша – крепкие провинциальные труппы.

Топорков прекрасно показывал своего учителя, как и Табаков его самого, с юмором, точно, без карикатуры. Показывая, все время напоминал уже своим ученикам, откуда они родом. Это была своего рода трансляция традиции. В 1922 году о московских выступлениях маэстро Давыдова писали: «Одно из самых крепких звеньев в истории русского театра, Давыдов воскрешает в нашей современности прошлое, согревая его всем своим обаянием лукавого таланта». «Обаяние лукавого таланта» – кажется, что сказано о Табакове. Через сколько поколений нужно соприкоснуться с прошлым, чтобы увидеть нужные нам истоки? «С Давыдовым Табаков соприкасается через одно; со Щепкиным, который, по сути дела, является основателем русской театральной школы, если считать, что Давыдов уроки Щепкина принял из рук щепкинской ученицы, которой адресованы его знаменитые педагогические письма, через два»⁴.

Талант Топоркова не назовешь лукавым, а в даровании Табакова обаяние лукавства с годами прибывало. Блестящий мастер внешнего и внутреннего перевоплощения, Топорков

⁴ Соловьева И. Н. В кн.: Олег Табаков. Кн. 1. С. 16.

запомнился зрителям предыдущих поколений в спектаклях Ж.-Б. Мольера «Тартюф» (Оргон), Н. В. Гоголя «Мертвые души» (Чичиков), М. А. Булгакова «Дни Турбиных» (Мышлаевский). Легкость, изящество комедийной формы у него всегда сочетались с беспощадным психологическим анализом. В студенческие годы Табаков видел мастера на сцене Художественного театра в постановках «Глубокая разведка» А. Крона (чудак-геолог Морис), «Последняя жертва» А. Н. Островского (Дергачев), «Плоды просвещения» Л. Н. Толстого (профессор-спирит). Все эти персонажи, как пишет критик Инна Соловьева, «люди, одержимые идеей, все равно – истинной или ложной. Желанная, не сбиваемая цель маячила перед покупателем “мертвых душ” Чичиковым, разнообразно приспособляющимся к собеседникам. Знал свою цель, ничего не видя вокруг, не чуя опасности, Морис; жил с глубокой убежденностью в своей научной правоте и потому-то доходил до геркулесовых столпов глупости профессор-спирит»⁵.

Четкость и внятность поставленной задачи в работах Топоркова всегда осязаемы. Для его ученика это были не просто уроки мастерства без нравоучений, но и живая передача знаний. Заметим, Школа-студия им. Вл. И. Немировича-Данченко при МХАТ СССР представляла в те годы удивительное явление. 1943 год – тяжелые сражения на Волховском фронте, зверства оккупантов в Ленинградской обла-

⁵ Соловьева И. Н. В кн.: Олег Табаков. Кн. 1. С. 14.

сти, бои западнее Ростова и в Пскове, до салюта Победы еще далеко. А Владимир Иванович Немирович-Данченко, человек восьмидесяти четырех лет от роду, вернувшись из эвакуации, ставит вопрос о воспитании новых кадров для Московского Художественного театра. Никакого тайного замысла здесь не было: есть у театра обновление – значит, у него есть будущее. Просто один думает об этом, а другой, не уставая, гребет всю жизнь под себя, и нет у него другой заботы. В апреле 1943 года вышло постановление Совета министров об организации Школы-студии, а 20 октября начали учиться студенты первого набора.

Школа – понятие консервативное, Грубо говоря, сыграть концерт сумеешь, когда освоишь гаммы. Обучение в школе должно проходить как в медицине: разрушать можно только то, что сам умеешь делать, привнесение нового требует осторожности и аккуратности, новое невозможно без понимания и освоения накопленного в дне вчерашнем. Абсолютные реформаторы – неконструктивны. Факты в истории доказывают, что строить новое умеют прежде всего те, кто умело сохраняет старое. Хорошо бы и сегодня многим не забывать: каждый ниспровергатель, прежде чем ниспровергать, должен доказать, что он умеет делать то, что ниспровергает. Как тут не вспомнить известные слова, что традиции (о которые многие, пишущие о театре, судят как об анахронизме) – это «передача огня, а не поклонение пеплу» (Г. Малер). Традиции – не тупое воспроизведение открытий и за-

слуг прошлого, а способность думать и работать в пространстве вечных ценностей.

И хорошо, когда азам профессии учат настоящие мастера – так поступали во МХАТе. Дух захватывает, когда вспоминаешь их имена. В. Топорков, С. Блинников, Б. Вершилов, П. Массальский, В. Станицын, А. Тарасова, М. Кедров, А. Грибов – что ни имя, то отдельная страница в истории русского театра. Призванные подготовить себе смену, они работали не за славу и личное благополучие. Выстроенная система ценностей Школы-студии была продиктована общей задачей – передать из рук в руки умения, накопленные знания, открытия и секреты, – педагогический коллектив спланировала, в каком-то смысле делала замкнутым. Когда возникали такие сетования, Топорков возражал: «Действительно, мы не хотим пускать людей чуждой нам веры и методологии. Если бы мы разбили нашу монолитность во имя того, чтобы нас не считали келейной компанией, могло бы распасться все дело. А наша студия питает сама себя, питает театр и растет вместе с театром»⁶.

Показатель верности провозглашенным жестким принципам – имена выпускников. Пять лет, два года «до» и два «после» выпуска курса Табакова – какое созвездие талантов! Режиссеры Римма Солнцева и Давид Либуркин, актеры Глеб Стриженов, Олег Анофриев, Леонид Губанов, Нина Гу-

⁶ Музей МХАТ. Протоколы заседаний педсоветов Школы-студии МХАТ. 1954 г.

ляева, Лев Дуров, Михаил Зимин, Леонид Харитонов, Леонид Броневой, Галина Волчек, Игорь Кваша, Наталья Каташова, Светлана Мизери, Ирина Скобцева, Олег Басилашвили, Татьяна Доронина, Евгений Евстигнеев, Михаил Козаков, Виктор Сергачев, Валентин Гафт, Майя Менглет, Олег Табаков, Евгений Урбанский, Владимир Заманский, Нина Веселовская, Юрий Гребенщиков, Наталья Журавлева, Владимир Кашпур, Татьяна Лаврова, Александр Лазарев, Евгений Лазарев, Елена Миллиоти, Вячеслав Невинный, Алла Покровская, Анатолий Ромашин, Альберт Филозов, а дальше Роман Вильдан, Владимир Высоцкий...

Известность им принесли не только кинофильмы, но и первые работы на театральных подмостках. Попробуйте из последних двадцати лет взять любое пятилетие и составить подобный список – уже на пятой фамилии услышите вопрос: а кто это? То ли генофонд ослаб, то ли учить разучились, или, как сказал чеховский герой, «рецепт забыли»? А может быть, случилось нечто непоправимое? На каком-то неприемлемом вираже обронили нечто главное и не заметили потери? Или какие-то принципы за ненужностью отвергли? И возникли проблемы в самом процессе обучения, когда не волнуют вопросы, кого учим, для чего учим. Школа – четкое государственное устройство. Только сохранив традиции этого устройства, государство имеет будущее. Нет корней – нет завтрашнего дня. Перечеркнув прошлое, кроме эфемерных надежд и крайне подозрительных саженцев ничего не возни-

кает. Примеров разрушения школы, будь то наука, промышленность, военная отрасль, гуманитарные дисциплины, в истории немало. Как и ложных путей развития. Жаль, что никто не подсчитал реальных потерь при этом. Словно не видим сегодня, что неудачный опыт может замедлить как развитие, так и преобразование.

В начале 1990-х годов Олег Борисов, тоже выпускник Школы-студии МХАТ, пророчески написал: «Посмотри, сколько кругом дырок, пустых человечков. Вот было время актеров, а потом не будет. Новые люди на земле настают: все больше числители, но не знаменатели. И все потом спохватятся и захотят снова актера. Дайте нам, дайте! А уже – шиш, не воротишь, мое почтение!»⁷

⁷ Борисова А. Олег Борисов. «Отзвучья земного». М., 2010. С. 118.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.